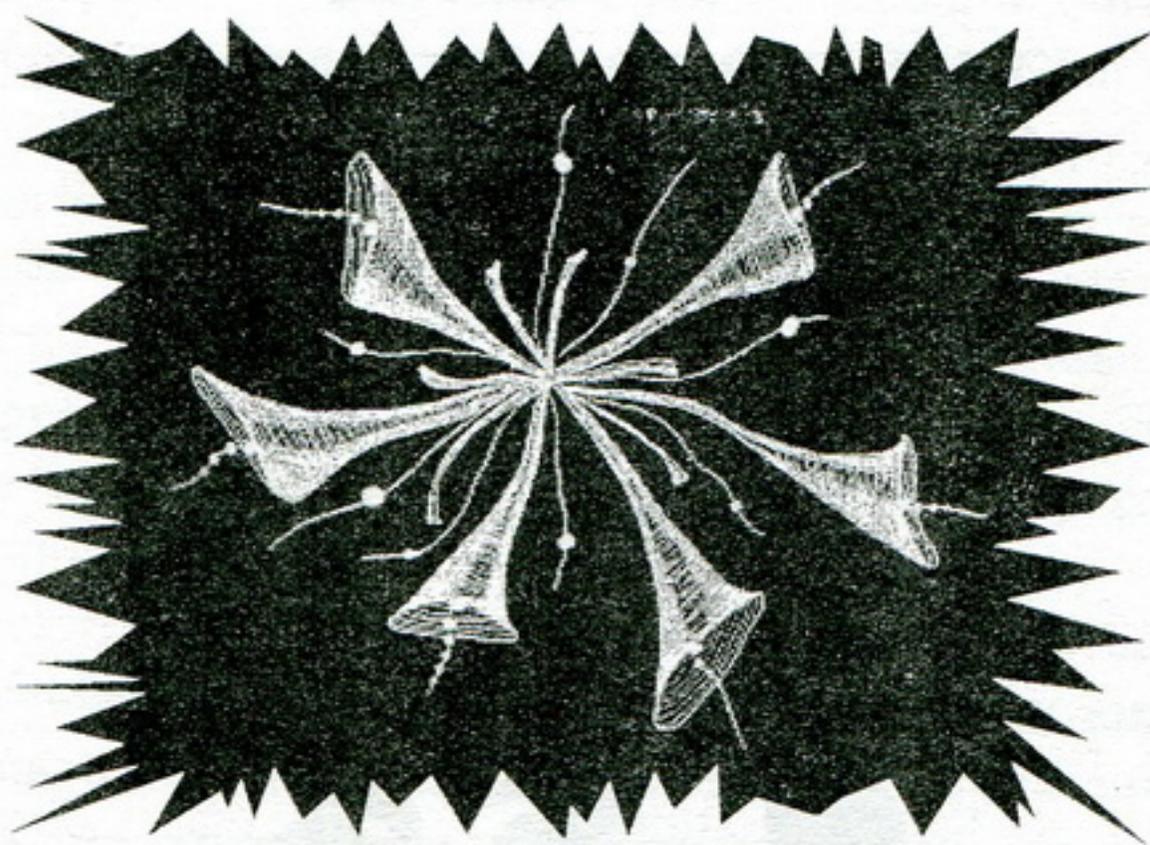

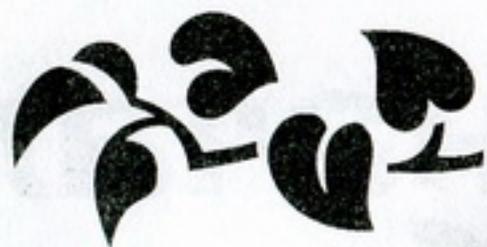
Леонид СВЕТИК

Вначале было слово

сборник стихов

Кричев 2000

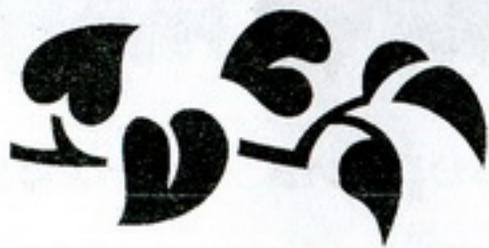

Автор выражает благодарность за помощь
в создании и выпуске сборника

**Кричевскому
культурно-просветительскому
общественному объединению
«Контакт-центр»**

и

**Могилевскому объединению
«Круг друзей».**

Modern History Archives

1/12 справа С 24

Предисловие

Литературная родословная автора сборника восходит к далёкому 1983 году, к временам, когда всё вокруг было окутано плотной пеленой мрака. И только временами, только очень редко, прорывая своим светом эту липкую пелену, кое-где вспыхивали миниатюрные огоньки неординарности и одарённости. Это было давно, в далёком и давно позабытом мире...

Первые пробы пера вызывали воинственную гордость в душе юного поэта и лёгкие улыбки людей по-настоящему знакомых с поэзией. Шло время. Не один карандаш был сломан в нелёгких баталиях с музыкой, не одна тетрадка «в клеточку» была изорвана в клочья, не одна строка стихов была выстрадана и рождена в муках. В святых муках творчества. Много пережил автор, многое понял, многое повидал, но было главное — было желание писать. И это желание не угасало с годами, а, наоборот, крепло и в конце концов материализовалось в эту брошюру. В ней выкристаллизовалось творчество почти двух десятилетий исканий и разочарований, раздумий и побед.

Здесь что-то есть. Здесь несомненно что-то есть! В замысловатой художественности подаваемых автором образов, в сложной переплетённости сюжетной линии, в дебрях фантазии можно долго блуждать, не находя ответа на элементарные вопросы и в то же время постигая непостижимое.

В стихах много личного. Они словно средоточие переживаний автора, личностной оценки и даже

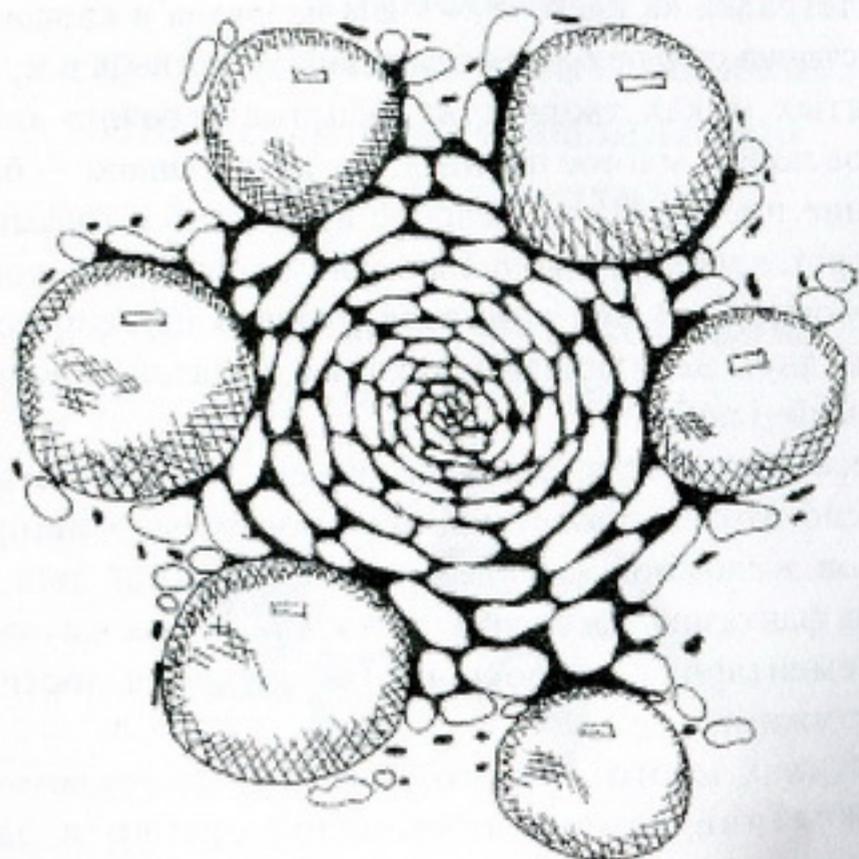
переоценки, глубинных стрессов и беззаветного восхищения, словом, передают все оттенки состояния души поэта в тот или иной промежуток времени. Брошюра — летопись одной жизни и в то же время летопись Вселенной.

В начале века поэт сказал:

«...Стихи стоят
свинцово-тяжело,
готовые и к смерти
и к бессмертной славе...»

Что ж, нам остаётся только ждать. Пусть этот сборник оценит время.

Андрей КУЗЬМИН

Леонид СВЕТИК

Вначале было слово

(сборник стихов 1983-1999 гг.)

И снова стих мне баламутит кровь,
И вновь ко мне пришла шалунья-муза.
Поэзия для сердца не обуза —
Сравниться с нею может лишь любовь.
Проходят дни, похожие на счастье...
Шагнуть навстречу им иль не шагнуть,
Упасть в объятия, разрывая грудь,
Или уснуть под музыку ненастья?
Из всех волшебств я выбираю сон —
Великий мир надежды и обмана,
Страну Венеры, государство Пана,
Куда я только ночью приглашен.
А муза смотрит с нежностью в глазах,
И, улыбаясь россыпью жемчужин,
Мне шепчет: «Ты поэзией простужен,
Ты болен ею, раб мой и монарх!»

Как хорошо брести без цели.
Мостовые ощупывать подошвами ботинок.
И, захмелев от запаха бензина,
Прилечь на декорациях обочин.
Как хорошо найти ночлег в подвале,
Где можно руки греть о тело труб.
Искать причину, отчего так глуп.
И скуп без меры серый горожанин.

Мне говорили: «Пей до дна!
Живи без срока и печали!»
Так, мол, живет твоя страна —
От дали, к еще большей дали.
Я пил и ел. Любил сполна.
Был, как и все, рубаха-парень.
Но как-то женщина одна
Сказала: «Знаешь, ты бездарен!»
В тот миг настал и мой черед
Безмолвно каяться в пустыне —
Всю ночь земную напролет
Я жег стихи свои в камине.

О, божий день, сплетенье света с тенью.
Прошу тебя, о день, не уходи,
Не дай явиться грусти и смятению,
Звездой горя, сквозь тернии веди.
Не уходи, о светоч неземная,
Я твоим флером легким обернусь
И буду ждать, когда придет святая,
Тобою, день, подаренная грусть.
Лучистый друг! Свеченье голубое!
О, день, играй на арфе золотой
И спой мне. Я глаза закрою,
Чтобы расстаться до утра с тобой...

Я усну сегодня очень рано.
Город весь в серебряной пыли.
Словно в репродукции Дали
Соим сплетенья правды и обмана.
В тусклом освещеньи фонарей
Кружатся снежинки, словно птицы,
У березы в серебре ресницы,
От чего она еще милей.
Город захватив незримо, властно,
Стражем стала ночь неожиданных снов.
И от снов — невидимых оков —
Избавляться до утра напрасно.

На подоконнике цветочный серпантин
К живительному свету тянет руки.
Февраль в окно стучит, стучит от скуки.
Он, как и я, — один.
Сосед ушел за водкой в магазин.
Он искренне далек от философий.
А я себе завариваю кофе —
И пью один.
Палитра фантастических картин
Во мне рождает неземные чувства.
Но не утешит сердце и искусство,
Когда один.

Увлеченная временем, увлеченная вечностью
Горделивая женщина, с фантастической внешностью.
То хохочет и нежится, то вдруг плачет с обидою
Стать ли тенью прекрасного? Утонуть ль с
Атлантидою?
Ты явилась из снов в предрассветные сизости,
Чтоб стать нивой любви, болью ветреной близости.
Так иди же ко мне, бесконечная женщина,
Ты нелегкой судьбой мне навечно обещана.

В холодный вечер осени
Я вышел вслед за тенями
В объятия ветра с севера,
В объятия света ламп.
Мечтая: «Где же Африка
С теплом и ананасами,
С веселыми макаками,
С экзотикой без имени!»
Мечтая: «Где та женщина,
Которая, как Африка,
Меня теплом изысканным
Одарит за пустяк:
За губ моих касания,
За смелые лобзания,
За стих почтенный с чувствами,
За власть мою и страсть!»

Апрель. Смотрю на грустные пейзажи акварельные:
Деревьев зелень тонкая и бледность синевы.
Смотрю: идут прохожие, идут — не улыбаются,
Они совсем не чувствуют присутствие весны.
Им крикнуть что ли: «Граждане! Любите песнь весеннюю,
Любите, православные, Христово Воскресение!
Вы, скряги деревенские, подайте рубль нищему,
Весною полагается грешить против себя!»

Ромашковое поле, сто тысяч солнц, сто тысяч.
Встречай меня и смейся над нежностью моей.
Я лягу в твои травы. Пусть надо мной колышет
Веселые ромашки кудрявый парень ветер.

На лепестках воздушных с надеждой погадаю —
Быть может, здесь, в деревне, я отыщу любовь?
Сплету венок нарядный, на голову надену.
Гадает пусть деревня, что сделалось со мной.

В кварталах комнат бродит тишина.
Нависла ночь над домом незаметно.
Я жду чего-то. Ожидаю зря.
Зима скупа в последний месяц свой
На праздники любви.
Пусть мерзнет за окном скопец-февраль!
Я для уюта окна занавешу.
Зажгу камин. Бокал вина налью
И буду вспоминать всю ночь
Я тех, кого люблю.

Как совершенно красное на сером!
Но только я о девушке печалюсь.
Ее лицо, чуть тронутое солнцем,
И голос, в шуме волн затихший,
Вдруг почему-то стали забываться.

Ах, Балтика! Неласковым прибоем
Ты на меня бросаешься сердито.
Но ведь ты знаешь, что пришел к тебе я
Искать среди песчаных дюн и сосен
Приветливую девушку-рыбачку.

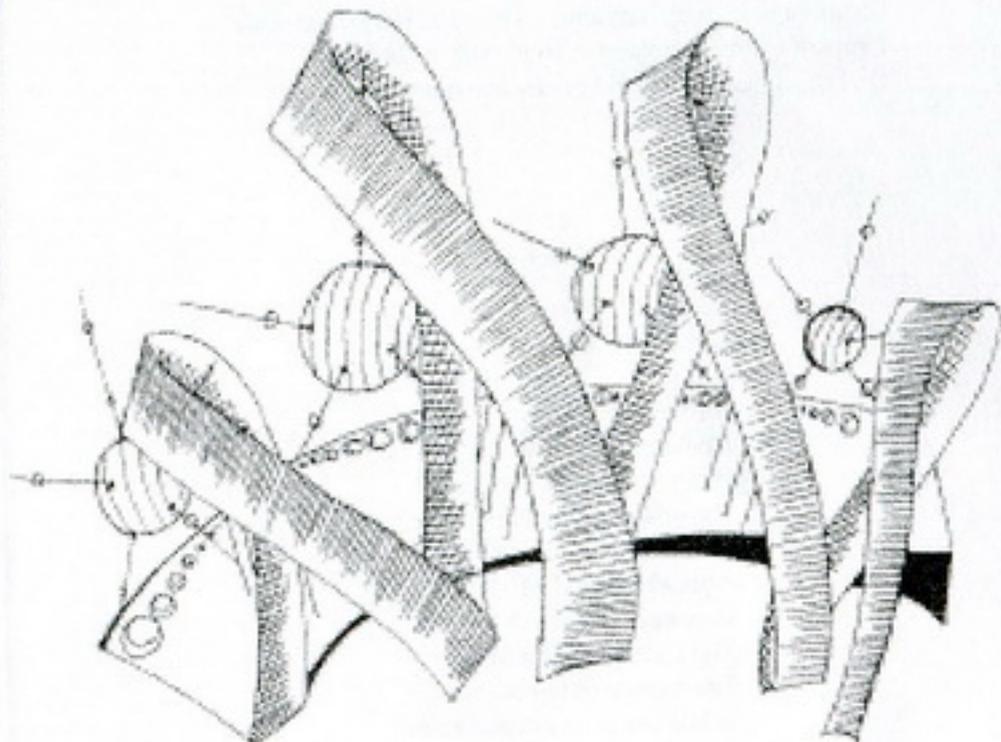
Я готов отдать бродяге свои новые ботинки.
Пусть он странствует по свету, пусть отыщет себе счастье.
Нивы скошенной пшеницы меня тихо в даль покличут,
Лес радушно меня встретит — он убежище скитальцев.
Слава богу, даль без края. Синь не знает горизонтов.
Босиком шагать не страшно, и не холодно с похмелья.
Старый купол мироздания охраняет человека —
От Господнего от гнева, от зажиточного счастья.

Трамвай, почувствовав весну,
Смешное что-то шепчет лужам,
Он, как и я, давно простужен
На ту же величину.
Проспекты смотрят вслед ему.
И неулыбчивый прохожий
Бормочет: «Радоваться все же
И веселиться ни к чему!»
А нам плевать! Мы едем мимо.
Нам просто весело вдвоем.
Мы снова пережили зиму,
Так значит будем жить еще
И Бог весть что переживем!

Я пил из розовых озер,
Сорил пристойными словами,
Вел интересный разговор
С философами и дураками.
Я славил в прозе чудеса,
В стихах высмеивал пороки,
Когда ожившие леса
В себя земли тянули соки.
Я радость вечную открыл,
Смешав в едино небылицы:
И ввысь умчался, что есть сил,
Держась за гриву кобылицы!

Маме

Причещи свои седые волосы,
Снег на них печально прилип.
Пусть, волнуясь, опадут до пояса,
Косы поредевшие твои...

Как бесконечна голубая глубина!
Ты обращай к ней в молитве, с болью,
И для тебя откроется она,
Одарит несравнимо любовью.
Не бойся, в небо взгляд свой опусти!
И то, что где-то радостью зовется
Тобою овладеет, подожди,
В тебе вдруг тихой песней отзовется.

Я опять на всю ночь стану жертвой бессонницы,
Хотя думы мои о спасительном сне,
Но несутся сны мимо, вдаль, за околицу,
Окунаясь на миг в золотистом вине.
Как тут быть? Дождь и ночь, и хмельная бессонница,
А вокруг никого, ни единой души.
Куст калины трепещет, трепещет и клонится,
Как веселый мужик, захмелев за гроши.
Эх! Не спать — так не спать. Эх! Кутить — так кутить.
Выйду в ночь на крыльцо хохотать до беды,
Выйду в ночь до утра под дождем побродить,
За околицу, в царство травы-лебеды.

День Победы

Был май. Цвели сады и одуванчики,
Весна ко всем была нежна.
И ветераны, словно мальчики,
Играли молча в ордена.
А молодежь, теплом раздетая,
Влюблялась прошлому назло.
Срывалась песня недопетая
О тех, кому не повезло...

У каждого свои причуды есть...
А я люблю ненастную погоду
За то, что можно Эросу в угоду
Любовные интриги тихо плести.
На улице гроза гремит иль выюга.
Холодный день или туман в глаза...
А в доме рай — обоев бирюза
И рядом безотказная подруга...
Язы-ник я! Пожертвую всю кровь
Луну и Солнце, тут же, без оглядки,
Вселенную, все тайны и загадки
Отдам за то, чтоб возродить
Любовь!

В пожелтевших травах заплутало солнце,
За рекой, в оврагах, лег туман белесый.
“Осень, скоро осень!” — жалуется сойка.
Только мне не жалко золотого лета.
Яблоки созрели — просятся в ладони.
В рощах бродит ветер, не найдя приют.
Завершилась жатва, погрузтели кони,
Только мне не грустно — осень на дворе.
Заблудилось детство на грибных полянах,
Остывают звезды в утренней росе,
А в дубовых рощах стонут великаны.
Только я не плачу — осень в дом пришла.

Возвращение

Я странник-рыцарь. Я иду домой.
Мне ни к чему уже земная слава.
Мне дикий мед-еда, мне ветер — как забава,
Моя награда — будущий покой.
Я возвращаюсь. Я иду один.
Поход закончен. Отшумели битвы.
Ждет часа своего мой тамбурин,
Чтоб заиграть баллады иль молитвы.

Ссора

Помолчу, так и быть. Не задам больше важных вопросов.
Ты всегда не любила на них без лукавств отвечать.
Я уйду в тень ночи, на плечи худые набросив
Легкий плащ, но с досадою в сердце. Как с ней совладать?
Побреду по знакомым лишь мне с давних пор переулкам.
Тихо в полночь к друзьям в двери я нехотя постучусь.
И по шарканью ног, по замочным щелканьям гулким,
Догадаюсь — этой ночью бессовестно водки напьюсь.

Когда наступит тишина,
Уснет тревога ближе к ночи,
Тогда лишь бледная луна
Мне будет будущность пророчить.
И я в звенящей тишине
Весь поглощусь явленьем света,
И что-то тонкое во мне
Вдруг зазвучит устало где-то.
Великолепный круг луны:
Как идол прежних поколений,
Как око тайны, сатаны,
Как тяжесть искренних сомнений, —
Проникнуть в сердце мос смог.
Спасут меня лишь только тучи!
О, радость, ветер гонит их!
Быть может, миром правит Бог,
Быть может, миром правит Случай,
А может, просто, я — везучий?

Заблудились журавли, затерялись.
Им на родину бы, на гнездовья,
На озера с теплыми мелями,
На болота, где дремлет осока.
Только ветер с бедой сговорились,
Только стало судьбою ненастье,
Потому суждено смелым птицам
Приземлиться на дальней чужбине.

Ты не женщина — просто мужчина,
Ну а этого мне и достаточно!
Мы беседовать будем о светлом,
О нарядном твоём галстуке.
Ничего, что ты любишь терпкое
И хмельное вино заграничное —
Все равно ты мне очень нравишься, —
В этом нет ничего неприличного.
Мы подем ко мне после праздника —
Он не будет сегодня потерян!
Что в любви понимают женщины?
Лишь мужчина в любви совершенен!

Мечтаю я о розовом драконе
(Его хочу увидеть в темноте),
О тонкой и звенящей тетиве
И яхонтом украшенной короне.
Созвездья-иероглифы читаю.
Я кутаюсь в холодные шелка.
Под утро в небе были облака,
Борей увел их медленно к Китаю.
И я теперь один сижу-мечтаю,
Разбуженный пичугой спозаранку,
Во сне я видел ясно китаянку,
Язык которой я не понимаю.
А может, мне податься так же к югу?
Добыть в пути свирепую тигрицу,
А может лучше розовую птицу,
Чтоб удивить далекую подругу?

Я пью кисель-туман в овраге.
Лес предрассветный тих, спокоен.
Слагают обо мне поэты саги —
Я викинг — вечный воин.
Мой острый меч соскучился по крови.
Жаль, далеко еще до мирных городищ.
Но час придет и я среди пепелищ
Всю жажду плоти утолю любовью вдовьей!

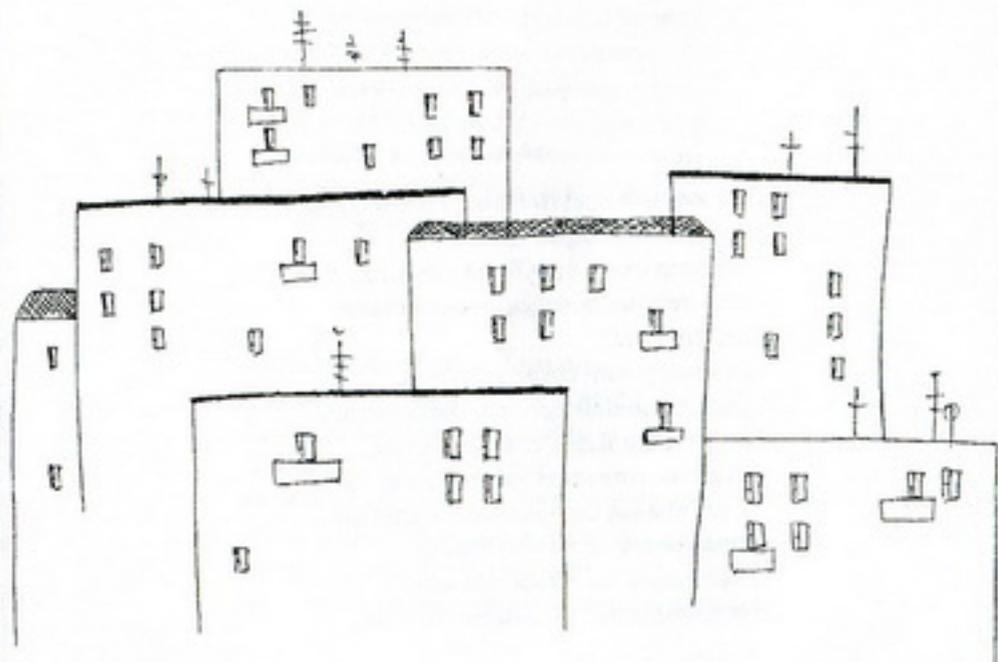
Мир твой умещу я на ладони, —
Маленький мирок твоих надежд.
Ты не бойся, вечер их не тронет,
Ночь не затеряет средь одежд.
Верь, согрею теплыми руками
Твои тайны. Дай лишь только срок,
Защелую жадными губами
Твой хрупкий, незатейливый мирок.

Какая ты, неведомая грусть?
Дай мне дотронутся холодными губами
До губ твоих, желанных и немых,
До глаз твоих, чуть тронутых закатом.
Дай мне обнять тебя — и слов не надо.
Давай сегодня лучше помолчим.
Ты столько лет была со мною рядом,
Но оставался я всегда чужим.

Вот желтый треугольник. Рядом с ним
Я розовый квадрат приклею.
Добавлю охры от губной помады,
Здесь теплые тона уж очень кстати.
Так, что еще?
Есть под рукой сухая акварель,
Создам зеленой краской перспективу.
От печки пальцем сажи отмахну,
Оставляю отпечаток на квадрате,
Пучок травы, засушенный в альбоме,
В оранжевую краску обмакну.
И высушу, и нитками пришью
Я в дополненье к дивному коллажу.

Дай мне проснуться, дай лишиться сна.
И я, не одеваясь, тут же брошусь
В заполненную голубым до дна,
Таинственно мерцающую пропасть.
Я не боюсь священного огня
И не смущаюсь, что душой доверчив:
Паденье — вот что важно для меня,
В котором я и: зыблем и изменчив.
О, дай вернуться из небытия
И ощутить тепло твоих касаний,
В тебе одной лишь существую я,
В тебе одной, и в сполохах сияний!

Как хорошо молчит притихший город,
Задумчив клен у моего окна.
Ты слышишь, уходи, но только тихо-тихо,
Не потревожь, пожалуйста, меня.
Власть тишины. Что совершенней может
Любовников уставших разлучить?
И я прошу тебя соседа не тревожить,
Ему ведь тоже хочется любить!

16

Не чирикай мне в след воробей,
Перестань надо мной насмехаться.
Ты с друзьями — тебе веселей.
Ну а мне даже не с кем расстаться.
Воробьиное счастье твое
Простирается дальше желаний:
Не тревожит тебя воронье,
Не печалит бремя скитаний.
Ночь тебя, не хотя, бережет,
Скрыв в одеждах горячую сушу,
И куда-то устало зовет,
И тревожит под перьями душу.
Не чирикай мне вслед воробей,
Жизнь кометой пронесится мимо.
Ты с друзьями — тебе веселей.
У меня же судьба пилигрима.

Скучая, иду по тропинке, усыпанной желтой листвою
Так я обычно встречаю унылую осень.
Знаю: это чудачество — слушать, как ветер
Ходит под окнами, песни бродяг распевая.
А одиночество к осени в сердце сильнее.
Хочется с кем-нибудь грусть разделить пополам или на четверть.
Но не ищу никого. Понимаю — сердце чужое своею наполнено грустью.
Я никому не звоню, не пишу злые письма.
Здесь, в деревенской глуши, слишком поздно все происходит.
Мне только звезды в холодные ночи отрада,
Лишь тишина без причин и условий мне в радость.
Скоро дожди после бабьего лета начнутся,
Скоро ночами беззвездными спать перестану.
Без сожаленья сожгу пожелтевшие письма,
Чтобы отречься от мира, где царствует осень.

17

Все пройдет, любимый ангел мой:
Эта слякоть, эта непогода.
Будешь ты опять, смеясь, со мной,
Каждый день, в любое время года.
Твое имя, как прекрасный бред,
Я твержу то сладко, то печально.
Семь недель — семь бесконечных лет!
А при встрече: «Как ты?» — «Все нормально.»

Опять эта слякоть некстати.
Соскучились глаза по радужному спектру.
Не хочется вставать с кровати,
А хочется слушать сердце...
Но дела. Дела берут за горло —
Нужно все успеть, даже плюнуть в окно.
Говорят, это сегодня модно —
С высоты, в чье-то голубое око...
Впрочем, зачем так плохо думать о столице.
Мне она как мать и отец!...
Мой сосед — владелец розовой птицы,
Меняет ее на «Запорожец»...
Иду по проспекту, бутылки звенят в авоське,
В это утро так легко мечтается мне.
И не о космосе вовсе,
А о земном магазине.

Провинциальная любовь подобна шутке,
Подобная какой-то мелкой краже
Под взгляды из замочных скважин,
Под стук дождя, что длится уже сутки.
Провинциальная любовь — любовь без страсти,
На вышитых крестом подушках,
Под вздохи за стеной твоей подружки,
Мечтающей о тихом счастье.

18

В овощном магазине, за углом, что налево,
Фруктами торговала, продавщица королева.
Я шептал королеве: «Вы сегодня красивы.
Может сходим в кафе? Вы танцуете танго?»
А она мне в ответ: «Вот не купите ль киви
Или эти прекрасные свежие манго?»
Нет! К чему этот торг!
Вам на сборы лишь сутки.
Улетим же на Кипр, там в восходах оранж.
Для чего? Позабыть про стихи и про фрукты,
Убежав на безлюдный заброшенный пляж.
Море щедро подарит Вам свои поцелуи.
Чайки будут пугать Вас своим резким криком.
Мы в ночном ресторане танцевать будем с шиком
Аргентинское танго... Вы.. ты мне обещаешь?

Ты знала, крапива не жгуча,
Когда угасают закаты.
Я знал, что стерня не колюча,
Когда для любви ищут место.
Так было в прошедшее лето.
Тебя называл я любимой
А ты в благодарность за это
Дарила мне голос пощечин.
Мы верили: все обойдется
И все позабудется быстро...
Но что же в груди моей жжется,
И колется что в твоём сердце?

Гитарист, заполни ночь игрой гитарной —
Тело просит страсти, страсть рождает танец!
В танце я испанец! В страстном танце лета
Я готов на ярость брошенного сердца.
Пусть стучат в такт ритма громко кастаньеты,
Я наполнен страстью, как эстрада светом,
Я наполнен страстью, как сады цветами...
В танце под гитару я — огонь, я — пламя!

19

Вновь осень умирала на кострах.
На медных кострах из желтых листьев.
Жгли дворники костры в глухих дворах,
Асфальт от золота дешевого очистив.
Без слез, без причитаний, без обид,
Прося, как нищий, дарового хлеба.
Не помня чудодейственных молитв,
Молила осень о защите небо.
А дворники, довольные трудом,
Ругали осень-ведьму крепким словом,
Делились счастьем — розовым вином,
И тешились о метлах разговором...
Смеялись дети звонко во дворах,
Куда-то ехала, не торопясь, милиция...
А осень умирала на кострах —
В Москве торжествовала инквизиция.

Я старый боцман. С солью мой загар.
Я мог перекричать любую бурю.
Теперь в таверне «Золотой корсар»,
Я с пьяными матросами воюю.
Давно я слушал чась звучный крик,
Они, наверное, теперь подались к гнездам.
Да, я уже от всех морей отвык
И заручился путь искать по звездам.
Судьба мне улыбалась — я везуч!
Минула шею сабля и веревка.
Не заскрипел в дверях тюремных ключ.
Промазала солдатская винтовка...
Как пахнет порох я уже забыл,
Но, выпив рома, вспоминаю битвы...
Я не молось за тех, кого убил —
Не слышит Бог пиратские молитвы.

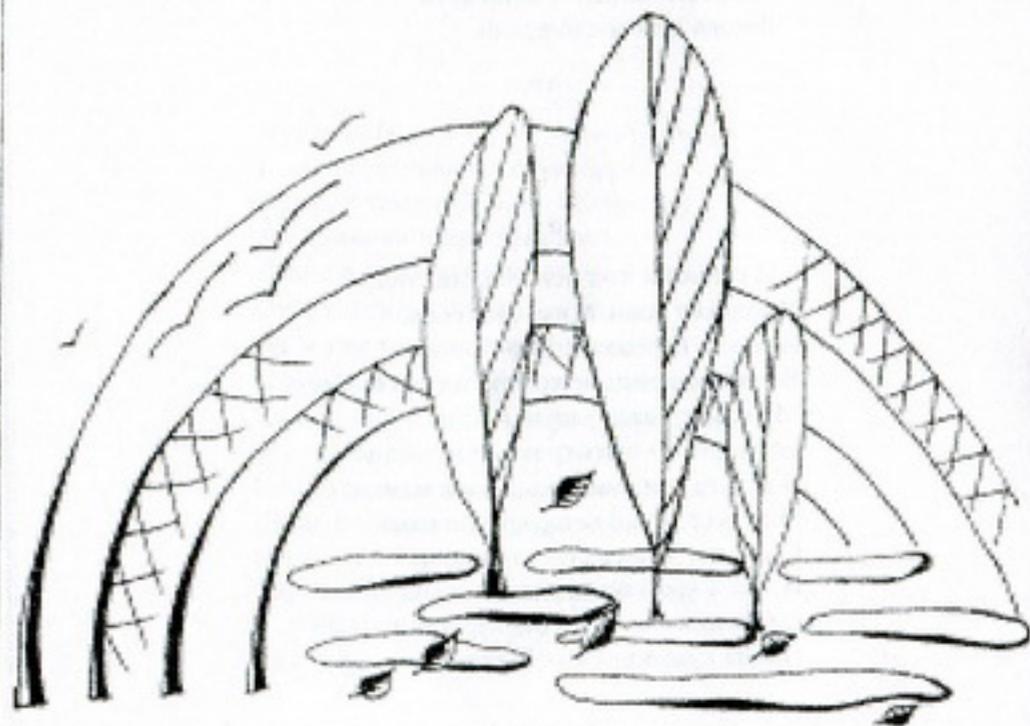
Я, как Адам, ребро свое отдам
(Мне лишнего от Господа не надо!)
Чтоб из него возникло существо,
Чтоб из него родилось божество
Для ада!
Пусть плоть моя послужит не добру!
Рай скушен, рай — больничная палата...
Я на кресте страстей весь мир распну,
И во сто крат в злодействе превзойду —
Пилата!

Под этим небом из лазури,
Средь ярких радуг, серой хмури
Нам жить еще немало лет!
Иного не дано нам, нет.
Что ж, мы пройдем свой долгий путь,
Путь, полный тихих размышлений.
И, может быть, когда-нибудь
Откроем тайну — злую суть
Закона перевоплощений.

...И сыпался под ноги белый снег,
И колокол хрипел, как бас гобоя,
И город, переполненный ковчег,
В крошечной тьме куда-то плыл без Ноя...
Метель срывала радуги афиш.
Ее каприз — быть грозным хулиганом.
В испуге прижимались дети к мамам,
Когда сердитый ветер крыши грыз.
Спешили люди в теплоту домов
И, как в часы всемирного потопы,
С разбитым килем и без парусов
Плыла куда-то старая Еврона.

Пересохло в горле. Пива, что ли, выпить?
Шесть рублей не деньги — мелочь шесть рублей!
Золотой напиток, веселящий сердце,
Стоит всех вселенных — видимых и нет.
Из кармана выну и зажму в ладони
Красную десятку с профилем вождя.
Эй! Разлейся пиво, зайи зай в желудке
Свой революционный, большевистский марш!

Я вернусь навсегда в эти стены, забытые Богом,
В эти гарью и сном переполненные города.
Только вот не припомню откуда, откуда я родом.
И покинуть дом отчий какая велела беда?
Ворочусь!
Пусть за это соседи безмолвно осудят,
И пускай не признает блудного сына отец.
Умереть дома легче, поверьте мне, все — таки будет
В этих сумрачных стенах, среди этих холодных сердец.

О! Я всегда прощаться не любил.
Хотя пришлось поездить мне немало...
В углу провинциального вокзала
Я женщине, которую любил.
(И женщине, что была безразлична)
Дарил цветы, улыбку, поцелуй
И обещал: «Жди, скоро позвоню!»
Но уезжал и больше не звонил.

Я фараон, я грозный Сезострис.
Весь мир передо мной укрыт молчаньем.
И только писк всеведесуших крыс
Мне служит о земном напоминаем.
Четыре грани мой хранят чертог,
А там, за ними, света обелиски.
Чуть слышно сфинкс у ног моих прилет.
Пусть отдохнет,
Ведь в Вечность путь не близкий.

Я — раб, прикованный к веслу на римской боевой триере.
Нас много здесь: и разнокожих, и разноязыких,
Но всех роднит тяжелый бич сурового еврея
И ожидание крушенья корабля.
Тогда судьба подарит смерть, кому свободу,
Кому молчанье рыб, кому победный клич.
Ну а пока жжет солнце нас неумолимо,
Пьет нашу кровь проворный бич,
Скрипит и изгибается весло во славу Рима.

Нищий

Автобус переехал пса — ему и поделом. —
В кровавой лужице лежал он на дороге.
И только нищий. лишь старик безногий
Среди толпы жалел его потом.
Все мимо шли, трагедии не видя, —
Собачья жизнь не больше, чем пустяк.
Свою судьбу любя и ненавидя,
Просил старик на хлеб и на таф ак.
Он грубо пел, по-старчески вздыхая,
О том, что отдал молодость Отчизне.
И думал я: «Душа его жива,
Хоть и попала под колеса жизни!»

...А дождь хлестал прохожих по лицу.
Не зло, по-дружески, без назиданий.
В мгновение покрыл зонтами улицу
И целовал, стесняясь, щеки зданий.
Сиротски барабанил дождь по крышам,
Глазами-лужами заглядывал под юбки,
Искал у почтальона письма в сумке
И удивлялся, что ему не пишут...

Прощай, моя зеленая страна!
Ты взглядом проводи меня в дорогу.
Со мною выпей горького вина
На посошок. И помолися Богу.
Я уйду. Когда вернусь — Бог весть!
Я уйду — и нет во мне печали.
И эта новость огорчит едва ли
Тебя, о родина, не тронет эта весть.
Я, уходя, не разбужу курганы,
На тополях не всполошу ворон.
Спи дальше, родина, закутавшись в туманы,
Я не нарушу твой извечный сон...
Ну что ж, прощай, прощай, моя родная,
Моя зеленая и сонная страна.
Я уйду, но все тебе прощаю,
Ведь у меня ты все-таки одна.

Письмо другу

Ты помнишь детство, друг?
Как жили мы вдвоем
В том пыльном городе, где сном казалось лето,
Хорошим сном, в котором под дождем
Мы бегали босые. Помнишь это?
А может помнишь, с удочкой в руках
Мы убегали на рыбалку утром.
И, лежа на песке, летали в облаках,
Купались в озере небесно-мутном.
Ты вспомни наши детские забавы,
Счастливый смех, обид нелепый плач!...
Стоят теперь стеной колочей травы
Там, где когда-то мы гоняли мяч.
А лес! Ты помнишь лес? Лесные тропы,
Зовущие в грибные чащи нас!
Сейчас ты где-то на краю Европы,
А я, я в пыльном городе сейчас.
Ты мне не пишешь! Понимаю, служба,
Дела в посольстве, в общем, недосуг.
Но ты пойми, что мне немного нужно,
Письмо, в котором: «Помню детство, друг...»

Задумчиво кричит ночная птица.
Часы пробили «три» и через час рассвет.
Я собран и спокоен. Чу, стучится
Ночная бабочка в окно, летя на свет.

Ночное бдение. Что — тело или дух
Сильнее в человеке? Я не знаю...
«Рассвет настал!» — кричит в саду петух,
Минула ночь. И я, я засыпаю.

Наблюдатель

Много поэтов о внешних событиях слагали поэмы.
Я ж не приемлю восторгов их. Я — наблюдатель
Смены сурового времени года
На долгожданное лето. Велел так создатель.
Я замечаю, что солнце все выше и выше
Над горизонтом.
День ото дня оживает природа и люди.
Птицы, вернувшись на родины издали, снова
Звонко щебечут. За это их Бог не осудит.
В небе лазурном, что так восхищает поэтов,
Долго блуждают рассеяно взгляды влюбленных.
Реки, разлившись широко в цветущих долинах,
Помнят всех грешников после Иисуса крещеных.
И, безотчетным желанием древним влекомый,
Я в сад выхожу побродить по росе до утра.
Время цветенья настало, явится час увяданья —
В этом сокрыты начала Зла и Добра!
Ищет примет, когда зерна закладывать в землю,
Вновь земляпашец в чередовании лун.
Стоя средь пахитей крестится и вспоминает
Те времена, когда властвовал грозный Перун.

Судьба

«Жестока жизнь. И что поделаться тут, —
Разделено не по заслугам счастье!» —
Так думал одинокий лилипут.
И была ночь, и бредило ненастье.

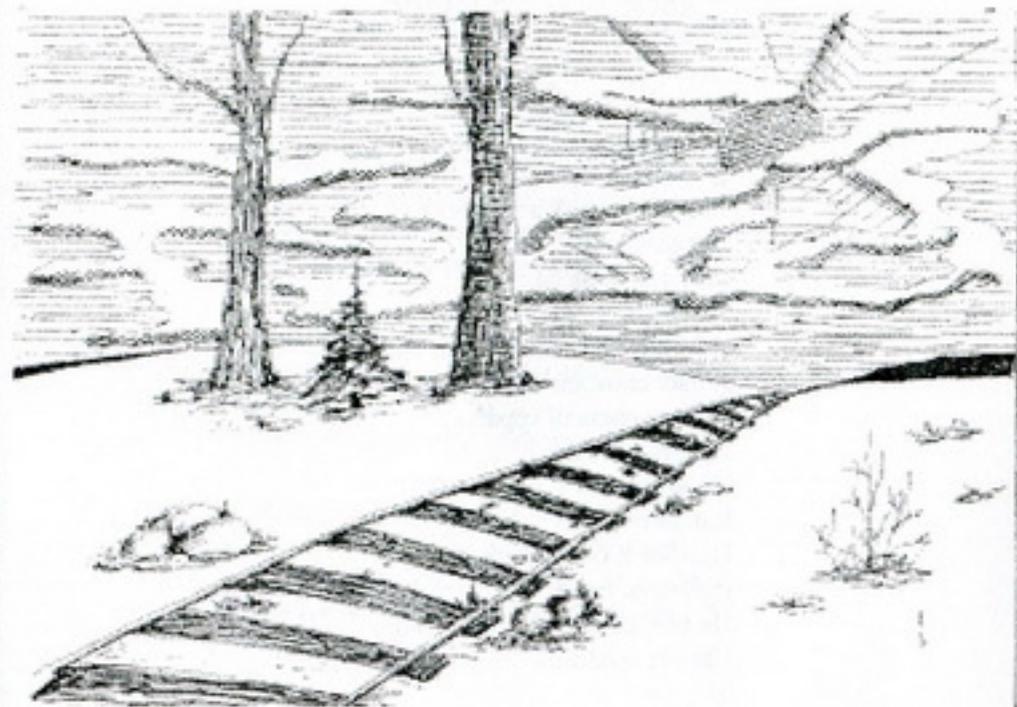
Спал балаган. В углу сопел медведь,
Борец с жонглером жгли любви минуту.
Все было как всегда, и умереть
От этого хотелось лилипуту.

Из поводка он смастерит петлю,
(На ней вертелась прежде обезьяна)
И с мыслью: «Жизнь, тебя я не люблю!»
Сорвется вниз под грохот барабана.

Лечу. Куда неведомо лечу.
Сегодня от себя я убегаю
И за свои грехи сполна плачу.
А за чужие чем платить — не знаю.
Лечу. Смотрю на облака. Лечу.
А завтра, знаю, растреляют газеты,
Что будто сноб я, и на всех ворчу
Да и вообще — капризливый поэт.
Лечу. Ночное небо впереди.
Лечу. Соседка справа чистит ногти.
Тоска, как кошка, дремлет на груди
И в мое сердце запускает когти.
Теперь одна надежда на коньяк,
На эту горькую, целительную влагу
Чтоб разум перестал кричать: «Дурак!
Что ищешь ты? Кто ждет тебя, бродягу?
В том дальнем городе, где холодно зимой, —
Где жарко летом — ты жару не любишь,
Как будешь жить без женщины, без той,
Которую ты вряд ли позабудешь?»
Но я лечу, и пью коньяк, и злось
На всех и вся — впадая глупо в ярость.
Но знаю точно, что уж не вернусь
И встречу на чужбине свою старость.

Зажглись огни на маяке
С закатом спора.
Лиловых крабов на песке
Ласкало море.
Еще тепла была скала,
И воздух зноен.
Я Буддой был, и плоть спала, —
Я был спокоен.
Порт покидали корабли
Искать предела.
Но нету края у земли,
Как нету тела.
Прибоя шум и чаек спор
Подобны снам.
Но бог шептал мне приговор:
«За все воздам!»

...А мимо вдаль уходят поезда.
Я провожаю их и возвращаюсь
В свой тихий дом, где есть уют всегда.
В свое пристанище, где я грешу и каюсь.
Меня не манят тайны дальних мест
День ото дня: работа — дом — работа.
Нести не трудно этот тяжкий крест.
Когда в душе лишь о себе забота.
Никто не пишет писем, нежных ду-
О жизни, о любви... Я всем обуза!
Для женщин, потому что скуп,
Для ветреных друзей — угрюм,
Лишь иногда приходит ночью муза.
Соседям я загадочный субъект,
Заблудший гений или шаромыжник.
Они мне крестят двери много лет,
Как будто я известный чернокожничник.
И только в полночь, когда в доме спят,
И слышно в трубах как гудит вода,
И пьяные соседи не шумят —
Я выхожу смотреть на поезда.

Отшельник

Отшельник я. Живу в лесу как зверь,
Ища ответ на вечные вопросы:
Откуда мы, куда идем теперь.
Что ищем мы и для чего живем:
Цари и воины, купцы и водоносы.

И, всматриваясь ночью в мрак небес,
Наивно верю — есть на них ответы
В небесной книге. И шумливый лес,
Во мраке притаившись, как ребенок,
Готов мне рассказать свои секреты.

Я знаю. Путь отшельника тернист,
И потому прошу: «О сердце, тише!»
Едино все — вселенная и лист,
Упавший мне на голову во сне,
И только истина за подвиг мой превыше.

Инквизитор

Днем

Щекочу в носу травинкой
Другу, что уснул в ромашках.
Я брожу крутой тропинкой
Вдоль берез в косых рубашках
С тихой мыслью о Лауре,
О божественной Лауре...

Ночью

Ногти рву, ломаю кости,
Жгу железом ведьмам тело, —
(Дети ночи — злые гости!)
Сатанинский храм умело
Рушу с мыслью о Лауре.
О божественной Лауре...

Зимой я думал: «Где же ты теперь? —
Не пишешь, не звонишь, не телеграфируешь,
Ключом своим не отпираешь дверь,
И яблоком меня к себе не манишь.

Я дни считал, когда придет апрель,
И май за ним — когда наступит лето.
Но верил, что оно придет теперь,
Чтоб быть воспетой во строках сонета.

«А летом яблоки созреют», — думал я —
О как, на вкус мне этот плод приятен!»
Шептал я: «Ева, яблоко, змея...»,
Но смысл любви был все ж мне непонятен.

Когда откроет осень вернисаж,
Ты вдруг придешь и скажешь: «Опоздала?»,
Мне яблоко с улыбкою подашь,
И вновь любви мы обретем начало.

Бежит поток, срываясь вниз,
Среди угрюмых скал.
К нему приходит грозный зверь,
Чтоб жажду утолить.
Его холодные струи
В сосуд глиняный свой,
Поймает девушка в горах
И унесет домой.
Так и к потоку мудрых слов,
Что с уст людских бежит,
Приходит грубый человек,
Чтоб жажду утолить.
Поэт, присев на берегу —
Задумчив, строг и тих, —
Ты подожди — он принесет
Стихи в сосудах книг.

Путешествие по России

Чай холодный в стакане. Пустое купе.
За стеной жарко спорят опять африканцы.
Я удачно играю уж час в буриме,
С неславянскими вовсе названиями станций.
Когда я уезжал, среди тысячи глаз,
Я не встретил любимых — вот мера ненужности.
Мне себя предлагала за деньги не раз
Проводница весьма неславянской наружности.
А за окнами степь завернувшись в халат
Сквозь стекло угрожала мне далью своей.
И не прятал при встрече раскосый свой взгляд,
С русским именем вор, неславянских кровей.

Москва весной 1984 года

Всё тронулось, стоявшее на месте,
Смешались в одночасие миры.
И ждали восхищения и лести
Старинные московские дворы.
Лоснилась грязь по узким переулкам,
Не прятал дворник рыжее лицо.
Бежал ручей — то весело, то гулко,
Куда-то за Садовое кольцо.

Мы в юности желаем умереть,
А в старости желаем жить без меры.
И просим у судьбы тугую плеть,
Глядим с надеждой в голубые сферы.
Мы в юности привыкли расточать
И не ценить минуты жизни юной.
А в старости желаем все отдать,
Чтоб жизни миг стал теплою лагуной.
Так и живем. И от своих щедрот,
От скупости своей ища лекарство...
С надеждой смотрим в звездный небосвод,
И ждем всечасно от судьбы коварства.

Мы, разомлевшие под солнцем,
Скучая ждем, когда оденет
День свой иссиня-черный плащ.
Мы безучастно наблюдаем,
Как движется во тьму светило,
И мысль о том, что все не вечно
Не разгоняет злую скуку...
На солнце греется ребенок —
Он рад теплу, он рад надежде,
Что завтра вновь взойдет светило,
И мир все так же будет светел.
Жаль, что не можем мы, как дети,
Быть счастливы одним мгновеньем,
Жить радостно одну минуту,
Надеждой жить, что завтра — будет.

Она ждала его, ждала,
Смотря с надеждой в даль дорог.
Она его во сне звала,
Изнемогая от тревог. —
А он не шел.

Она ждала его, ждала,
Чтоб ожиданье облегчить,
Себе гадалку завела,
Боялась встречу пропустить...
А он не шел.

Она ждала его, ждала,
Не закрывала на ночь дверь,
У ведьмы снадобья брала,
Стелила колдуну постель, —
А он не шел.

Она ждала его, ждала,
И вот однажды стук в окно!
То старость нищенка была,
Но ей уж было все равно.
Он не пришел!...

32

Ты шла, покачивая бедрами,
На всех смотрела свысока:
Красивая, ужасно гордая,
И недоступная, как облака.
Ты шла. В тебе жила экспрессия,
Ты для мужчин была мечтой.
Страна с названием «Мерседесия»
Была покорена тобой.
Глаза твои метали молнии:
Соперницы, в углах таясь,
Сердились на тебя в безмолвии:
«Откуда эта вот взялась?»
Ты шла, преград земных не ведая,
Сжигая за собой мосты.
И над тобой летел, сверкая,
Жестокий ангел красоты.

Зима убралась по-английски,
Весна откуда-то взялась,
И кошка — умное животное,
Мне на колени взобралась.
Пью чай. В квартире холод, пусто.
Читаю Ницше. У него
Средь гор блуждает Заратустра
Среди пороков и уродств;
И учит вере в добродетель, —
Он был единственный свидетель
Существования Любви.

Весна подыскивает краски
Окрасить небо в цвет лазури.
Мужчины приоткрыли маски,
Пол женский вспомнил о фигуре...
Так было, будет так от века:
Что от природы — то нам любо,
Что от философов — все мерзко
(Как добродетель ни зови)
Для кошки и для человека.
Все так, но верил Заратустра
В существование Любви

33

Если

Если в полночь приходит к вам негритянка,
Если к вашим ногам прикасается Волга,
Значит вам повезло, значит вам посчастливилось —

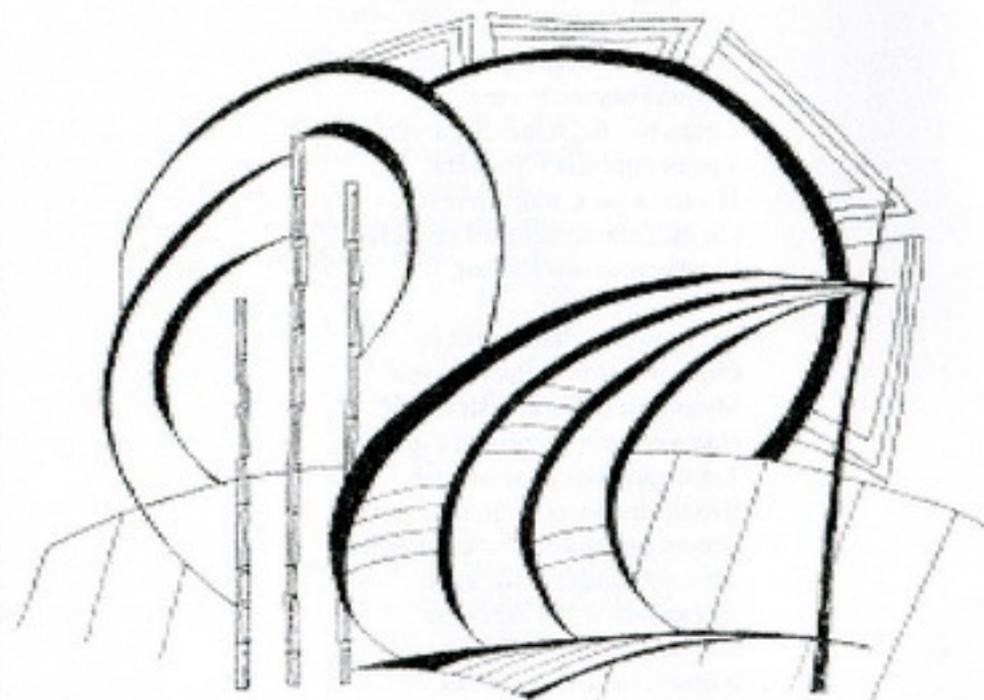
Жить
будете
долго.

Если в снах вы бредёте в тени баобабов,
Или в яви вас ждут на далеком причале,
Значит с Богом вы встретитесь очень не скоро —

Жизнь
в самом
начале.

Если львы, словно кошки, лизут вам руки,
Если лодка любви неустанно качается,
Есть причина при встрече со смертью кричать

Жизнь
продол -
жается.

Я кормлю собою комара —
Пусть живет, пускай звенит у уха,
Он и я — единая семья
На Земле отчаянно живущих.

У березы кто-то срезал ветки.
Из культей сочится чистый сок.
Ей должно быть очень, очень плохо
Среди всех отчаянно живущих.

Божия коровка, доверяя,
Мне на руку села отдохнуть.
Среди всех отчаянно живущих,
Я один, кто к Богу ищет путь.

Незнакомец

Как из ведра, дождь безудержно льется.
Вон незнакомец. Он дождю не рад.
Позвать его? Он, знаю, отзовется
На имя названное мною наугад.

Смотрю в окно. Он просит закурить
У под зонтом промокнувшего прохожего.
И с гамлетовским: «Быть или не быть?»
Гадаю я, дождусь ли дня погожего.

Что ж, выйду, плащ набросив, позову.
Он не откажется, хоть мы и незнакомы.
И запах осени, и мокрую листву
В мой дом он принесет, развеяв дремы.

Не стану спрашивать, кто он, пришел откуда,
Скажу лишь: «У камина обеушись».
Налью бальзама в чай — к чему простуда?
И философски заявлю: «Противна жизнь!..».

Есть очень много причин для волнения.
В поисках смысла, дорог для спасения
Бродят устало повсюду двуногие, —
Многие.
Мертвое нечто, живущее рядом,
Тенью крадется, свивается гадом,
Нежно дотронется — холодом веет, —
Тлеет.
В хитросплетениях троп и ошибок,
Кажется — мир неустроен и зыбок.
Очи отвернешь — окажется так, —
Мрак.
Горе — начало и суть сумасшествия,
Море, дающее в ад путешествия.
Кровь пригуби — океан на губах, —
Страх.
Не удивляйтесь, что в сердце сокрыто.
Жизнь — это пляска блаженного Витта!
В путь, поскорей за Христом без сомнения
Ради спасения.

Опять на «Да» ответив «Нет»,
Ты улыбалась на прощанье.
А в небе был парад планет,
Беду суливший в наказанье.
Я жил, а значит я страдал.
Судьбе не говорил: «Спасибо.»
«Уйдет? Останется?» — я ждал
И сердце билось «Либо — либо»
Тела небесные неслись
В объятья солнца леденя.
Жизнь без нее моя — не жизнь, —
Огонь умрет без Прометея.
Не уходи, молил, постой.
Ах, царствуй надо мной безбожно.
Владей же мной, моей душой
Узнай же — это так не сложно!
Имей над телом моим власть —
Иного от меня не надо.
Готов я для любви упасть
В зловонные анналы ада

Ты забыла свои бусы
На моем столе.
Ты забыла про искусство,
И живешь в селе.

Среди пажитей и леса
Страсти не тихи.
В палисаднике ни беса —
Сохнут лопухи.

Я писал: «Приди, пропажу
Отыскал твою.
Приезжай, забуду даже
Злую страсть свою»

Кошка моется. Примета —
Надо ждать гостей.
Но на письма нет ответа,
Нет новостей.

День за днем бегут недели
Бусы на столе.
Маюсь я в своей постели
Ты в своем селе.

Трубач на сцене в ожидании изнемог.
Медь потускнела и лишилась блеска.
А дирижер ему помочь не мог, —
Унять напор скрипичного оркестра.
Бывает так — настанет счастья миг,
И нищих духом посещает Бог.
Оркестр грянул нервно и затих, —
И тут трубач исторг восторг.

Слепые и поводырь

Слепые шли. Их поводырь
Был отрок бледный и усталый.
Он был угрюмый, шестипалый,
Слепым казался — ангел он.

На мир глядя его глазами,
Брели, куда их вел урод.
Молили нищие народ,
Чтоб больше хлеба подавали.

В жару и стужу, как могли
Они уродца укрывали,
Украдкой пестили, ласкали
Учили мудрости его.

Но правит миром сатана!
Нашел урод однажды злато.
Решил: «Я заживу богато,
Зачем мне этот нищий сброд!»

Он вывел стариков к обрыву.
Внизу бурлящая река.
Она строптивая, глубока
Круты, скалисты берега.

Спросили старики его:
«Зачем привел ты нас сюда?
Ответил им урод тогда:
«От слепоты вас излечить!»

Столкнул их вниз. И лишь круги
Бежали быстро по волнам.
Прибились только к валунам,
Четыре посоха кривых.

Вот так и мы, свой выбрав путь,
Идем и открывает мир.
Но наш безумный поводырь,
Наше завещанное злато.

Я холст.
Художник испытаний
На мне свой чистый, божий дар.
Размажь же кистью краски чувств,
Чтоб каждый разобраться смог
В предназначеньи их.
Вот синий — холодность моя.
Задумчивость, — как глубина
Давно уж стала голубой.
О, как весенне — зелена
Беспечность, ветреность моя!
Желта веселость. Это так.
Оранжев — в восходах нежных чувств.
А страсть воистину красна...
Но только черную не мажь,
На холст, художник, попросу. —
Ведь от нее не отскоблить душу.

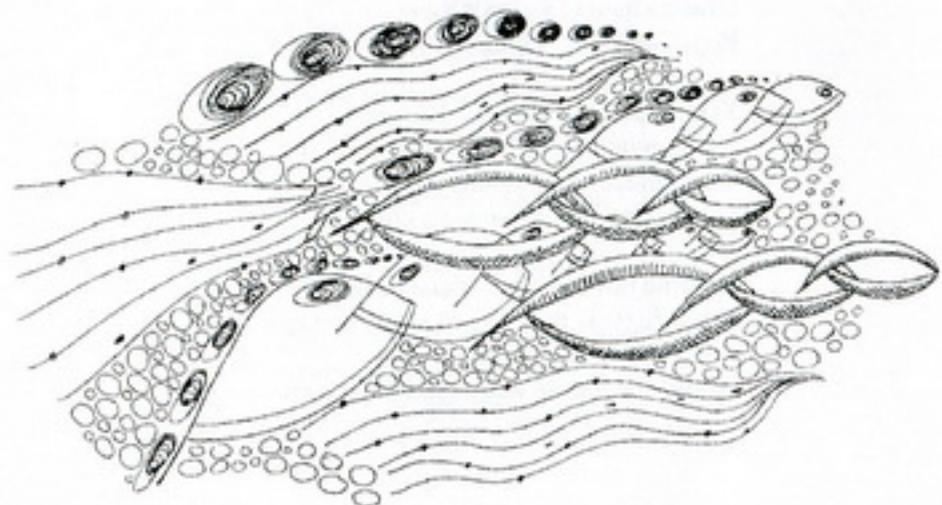
Город

Город усталый от жаркого дня,
Город усталый от тяжелой работы, —
Отдыха алчет. Желают вина
Воры, рабочие, нищие, моты.

Улица красных слепых фонарей.
Улица нищих пустых магазинов.
Тихая внешне — клоака страстей,
Улица, слепо смотрящая в спину.

Смех на проспектах, драки спяна,
Крик, толчея, проститутки на площади...
Оком на город взирает луна,
Оком — волками испуганной лошади.

Сонный берег тихой речки
Никуда не уплывает.
Ивы дремлют, лишь спросонья
Что-то глупое лепечут.
Травы, скошенные утром,
Источают сладкий запах.
Не боясь, щебечет птица.
Ее имя — трясог-зка.
Ручеек, сбегая в речку,
Приглашает прикоснуться,
Ключевой воды напиться
Всех, кому воды охота.
Из глубин, из ям, на отмель,
Выплыл окунь полосатый,
Удивленными глазами
Смотрит он на рыбаков.
Ловко резвые стрекозы
Добывают себе пищу,
Лентой жирная пиявка
Вьется у живой осоки.
Люди, любящие солнце,
Посылав с себя одежду,
Подставляют без стеснения,
К солнцу спины, животы...
Но минует скоро лето.
Опустеет тихий берег.
И никто тогда не вспомнит
Об идилии июля.

Соловьиная печаль очумелая
Что ты цемешь сердце мне, беспощадная.
Ведь подруга у меня, ох, не смелая.
И любовь в моей груди, ох, не складная.
Забреду в кусты сирень попечалиться.
За подругой за пугливой поохотиться.
На судьбу свою мне ожалиться.
Жалко, некому, а шибко как хочется.
Но не все печаль, быть и светлу дню.
Вот подруга, дождусь, станет смелой...
Я на свадьбу тогда созову родню.
Разогнать печаль — тоску очумелую.

Полушутя, полусерьезно
Мы говорили о любви.
А облака, клубясь, плыли, —
Бежать за ними было поздно.
Мы ждали ночи, чтоб дарить
Друг другу злые поцелуи
И повторяли имя всеу
Богини, что любить велит.
Ты заплетала в волосы
Цветы, что рядом зацветали
И вместе с эхом улетали
В лоцину наши голоса.
Твоя несмелая рука,
Искала повода остаться
В моей руке. «Идем купаться», —
Просила ты, звала река.
Ты предложила: «Нагишом,
Давай войдем в реку, мой милый.
Сейчас хочу я быть счастливой.
Ведь ночи долго ждать еще».
А после, остудив тела,
В воде холодной, ты устало,
Не унимаясь щебетала:
«Дождаться ночи не смогла»...

Цыганская судьба

Тихая, завернутая в тряпки,
Вздрагивая веками во сне
Девочка с кудряшками арабки,
Спала у цыганки на спине.

Пестрый табор, зная, куда-то сжал,
Слышен был по всюду шумный слог.
Милиционер в расстройстве бегал,
Но утомонить цыган не мог.

Но девочку это не касалось,
Сон ее был безмятежный чист.
Крепче только к маме прижималась,
Вечер, помню, был прохладно мглист.

Мать плутая по перрону сонному,
Денег чтоб добыть на хлеб, она, —
Набивалась погадать влюбленным,
Дворнику, что хмурился спьяна.

Я смотрел и думал: «Вот уж доля, —
Жизнь — дорога, дом — пустой вокзал».
И жалел: «Хлебнет немало горя!» —
Девочку, которую не знал.

В жизни разобравшись очень рано, —
(Станет ей печаль тогда к лицу)
Будет в подворотне дочь цыгана
Клянчить денег на пропой отцу.

А потом ее подарят мужу, —
Он ее возьмет, как царь рабу,
Чтоб она зимой, в крутую стужу,
Родила цыганскую судьбу.

Продавец счастья

Я знаю — счастье продается долго,
Особенно не в праздничные дни.
Смешон я с ним, ну как торговец шелка
Среди дремучей северной тайги.

В моем лотке от росписи нарядном,
Среди платков, игрушек и конфет,
Лежит оно в мешочке неприглядном,
Рожденное, не знаю кем, на свет.

Оно не нужно никому и даром,
Оно такой невыгодный товар!..
Но я хожу по гулким тротуарам,
С надеждой на приличный гонорар.

Холодно стало... А вы бы могли бы?
Бросить дела и любовницу бросить
И улететь просто так на Карибы,
Чтоб позабыть про любовь и про осень.

Нежные фрукты. Омары на ужин.
Море. Песок. Красивые люди.
Это ведь лучше, чем прыгать по лужам,
Пить чай с малиной при жуткой простуде.

Здесь, в тихих парках, клены багряны,
Там этот колер в долгих закатах,
Здесь зябкий холод, утром — туманы,
Там теплый бриз и полеты пернатых.

Жаль быстротечны грезы о лете,
Чаем не вылечить сердца недуг.
Вечно живут в нем заботы о детях,
Ревность жены и капризы подруг.

Ах эти ночи, ночи в декабре...
Ползут часы, чуть побыстрее улитки.
Мой верный пес вздыхает в конуре,
Бормочет что-то ветер у калитки...
Рифмую слог. Он, прячась в темноте,
В углах звенит чуть различным эхом.
Вот чайник тонко взвизгнул на плите —
Зашелся торопливым смехом.
Сны, словно осы, вьются надо мной,
И не разгонит их ни чай, ни кофе.
Как страстно одиночество зимой, —
Оно подобно тихой катастрофе.
Добавлю в чай немного коньяка,
Он возбуждает кровяные токи.
Жестока жизнь поэта, нелегка.
Когда прошли отпущенные сроки...
Своей любимой я не позвоню.
Хоть одиноко мне и ветер свищет, —
Ведь я на расстоянии люблю,
Люблю сильнее, искренней и чище.
Пса в полночь в дом погреться позову,
Живое существо не помешает
Мне грезить то во сне, то наяву,
О ком? О чем? Кто знает?...

Я хочу стать памятником,
Мраморным монументом.
Чтоб зеваки смотрели на меня
Здрав голову:
Чтоб жених и невеста
Возлагали букеты
Дорогих и не вечных цветов
Мне под ноги;
Чтоб гранит или бронза
Хранили имя мое — вечно!..
Так думал я
Во времена тщеславной юности.
А теперь вот стар
И мечтаю
Лишь о безымянном кресте
На погосте.

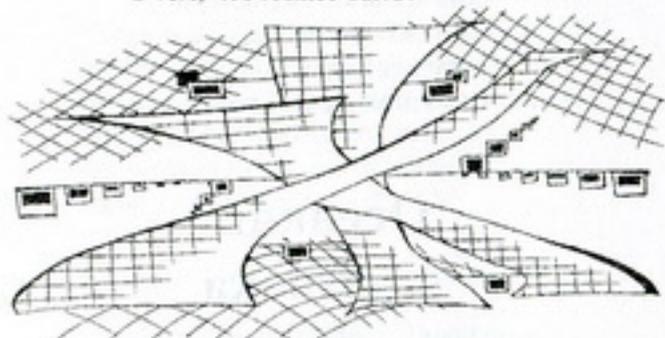
Играют дети в деревянные солдатики.
Их армии вступают смело в бой.
А мы, отцы, мы — старые романтики,
Игрой лобуемся, болтая меж собой.
Мы вспоминаем, как звеня медалями,
Сосед Егорыч в праздничные дни
Рассказывал, блестя глазами впальми,
Как он шагал дорогами войны.
Как было холодно в окопах в зимы лютые,
Как был тяжел, несносен ратный труд,
Как надали солдаты необутые,
Когда в упор из пулемета бьют.
Жалел друзей, их путая фамилии,
Все вспоминал, как холодна вода
Была в Днепре, когда тонул под Киевом,
И как спасал его утрюмый старшина.
И вспомнив все нехитрые истории,
Мы расходились в полночь, не спеша.
И наши дети никогда не спорили,
О том, что есть ли у солдатиков душа.

Осенняя зарисовка

Скоро пройдут дни весенне-погожие,
Осень придет.
Песни свои, на молитвы похожие,
Волк запоет.
Солнце на мир станет редко смотреть
Сквозь щель облаков.
Станет устало ветер звенеть
Цепью оков.
Золотом тленным усыпят деревья
Землю вокруг.
С севера птицы, сменяя кочевья,
Двинут на юг.
Сопками белыми, утром туманным,
Встанут дома.
Скажет прохожий, съевшись зябко:
«Скоро зима».

Вопросы без ответов

Перейти из света в тень —
Просто или невозможно?
Звук издать одной ладонью
Чтоб он стал подобен грому —
Сложно?
Что сильнее: разум ль, чувство?
Их лишать — с ль искусство?
Цель?
Тело — храм иль тело — глина,
Обожженная умело
Чьей невидимой рукой?
Время — точное мерило,
Что прошло, того, что было?
Иль связующая нить,
С тем, что может быть?

Брошенная женщина

Ты брошенная женщина, ты брошена.
На остров Слез судьбой кривой заброшена.
Лишь только Ночь тебе подруга верная,
Когда стоит погода очень скверная.
На весь огромный мир ты уж обиделась,
Не ходишь в церковь, к Богу не приблизилась.
И забыв про адов, дантов страх,
Таишь проклятья на своих устах.
Ты брошенная женщина, ты брошена.
Твоя любовь, как старый плед, заношена.
Колода карт и красное вино —
Тебе лишь утешение одно.

Снова небо молнией разбито
Дождь шумит холодный, проливной.
Зонтик очень слабая защита. —
Ты его, любимая, закрой.

Пусть струи косым расчешут гребнем,
Волосы кудрявые твои
И пусть незатейливым волшебьем
Превратят в косые колени.

Пусть намокнет шелковое платье,
Для того, чтоб я увидеть смог
Твои груди — их люблю касаться,
Строгий треугольник между ног...

А когда устанем веселиться,
Под дождем, телами трепеща.
Мы тогда с тобою сможем скрыться
Под полами старого плаща.

Я путешествовать к северу еду,
Встреча со снегом мне не в новинку.
Только в диковинку мне, домоседу,
Встретить в пути беловласую финку.

Черный мой волос, глаза мои карие
Финке понравятся — здесь это редкость.
Спросит она: «Вы из Италии?»
Я там была — очень жаркая местность!»

В дом позовет и попросит остаться.
Месяц над лесом повиснет подковой.
Я соглашусь. А куда мне деваться?
Хоть познакомлюсь с финской «мовай»...

Утренним чаем начнем расставание.
Снег захрустит под ногами печеньем.
С грустью мне финка шепнет на прощание:
«Мабыць сустрэнемся? Да пабачыцца».

Соседка

Сегодня гадкая погода: то снег, то дождь.
Соседка у окна кого-то ждет, скрывая дрожь, наивная.
Никто к ней не придет в такую слякоть.
Она не очень долго будет плакать. Соседка — сильная.
Гуашь разлита по стеклу цветная.
Стихи, бумажным голубем летая, — кружат.
И пальцы с тоненьким колечком,
Глаза с грустинкою о вечном — дрожат.
Чудачка странная, моя соседка.
Она художница, она поэтка, — от Бога.
Мечтающая пробежать по снегу,
Но невозможно ей предаться бегу — она безнога.

Я учился жизни у молчальника.
(Кровь монаха — гуше нету крови!)
Неизвестна мне любви механика,
Непонятна химия любви.
Я науку постигал, не жалуясь,
Я взнуздal природу, выжег страсть.
И теперь живу, живу и радуюсь,
Что наука эта удалась.

Летящая над городом

Он за руку держал ее — она летела.
Над землей парила безмятежно.
Ветер, увлекая ее тело,
Тешил затасанные надежды.
О, как в том полете было сладко, —
Ей, познавшей радость притяженья,
Ей, узнавшей как груба брусчатка
Для любви, а так же для паденья.
Облака, подвластные Борею,
Ничего не зная про Шагала,
Улететь хотели вместе с нею,
За границы грязного квартала.

На никогда не выбраться отсюда,
Мы часть планеты с именем Земля
Откуда мы? Мы родом ниоткуда!
Идем куда, дорогами пыли?

А звезды с неба смотрят равнодушно
И гороскопы тайные творят.
Мы не живем, лишь дельцем послушно
То, что нам звезды ночью говорят

Шпана

Рубашка в клетку, брюки в полоску.
На босу ногу желтые сандалии
Насвистывая, улицей иду
По вымытому ливнями асфальту.

Девчонки, обернувшись, смотрят вслед.
И вертят у виска худыми пальцами.
На мой «Привет», хихикая, кричат:
«Куда придурок шлепаешь по лужам?»

Ругаюсь громко, злю бродячих псов,
Горжусь наколкой срамной на руке.
Плюю картинно, как артист, курю,
И презираю пестрые зонты.

Соломенное солнце — колядная пора.
Найду ль причин остаться с тобою до утра?
Чтоб пить наутро кофе, ловить усталый взгляд
И говорить нескладно о чем не говорят.
Дай Боже мне придумать, найти любви слова,
Чтоб у тебя от счастья кружилась голова.
И помоги мне, Боже, растолковать все сны,
Которые приснятся в преддверии весны.

На отшибе одиноко, подперев ветвями небо,
Вьелось дерево желаний глубоко корнями в землю.
Нет на нем зеленых листьев и кору изъели черви,
Даже черные вороны не летят к нему на отдых.
Слепо следуя поверью, ночью в зарослях крапивы
Люди к дереву желаний тайно ищут, топчут тропы.
И к стволу прижавшись грудью, и обвив его руками,
Шепчут мертвой древесине сокровенные слова.

Почему не все земное просто?
Сложно все — куда ни посмотри!
Не понять, о чем толкуют сосны,
Что толкут под вечер комары.
Может удивляюсь я напрасно?
Не постичь нам, что придумал Бог!
Наша жизнь загадочно прекрасна,
Но печален у нее итог.

Явился май. Сирень в цвету.
Настал цветению срок.
Пойду, венок себе совью —
Сиреневый венок.
Забыв, какой сегодня день,
Какой исчислен год,
Соседу оборву сирень,
Мне это с рук сойдет.

Пусть Ваши руки с гладкой нежной кожей
Мою покорность нежную простят.
Они на легких лебедей похожи,
Но их белей, наверное, сто крат.
Пусть Ваши руки, превратившись в линии,
Прикосновений жарких моих ждут.
И вен пути, чуть различимо синие,
От пальцев губы к губам приведут.

50

Ты увидишь восход и закат. —
И не будешь перечить светилу.
Обретя светоносную силу,
Ту, которой владел лишь Сократ.
Ты взойдешь на пустой пьедестал,
Чтоб кунаться в потоках Эфира.
Рассуждать же о сущностях мира,
Станешь ты как Платон рассуждал.
Ночь прилет. И в срок, как обычно,
Лунный свет просочится в твой дом.
С Аристотелем споря, вдвоем
Вы решите, что в мире первично.

В моем убежище уютно,
Спадает рядом водопад.
О, как я нестерпимо рад,
Что среди гор живу беспутно.

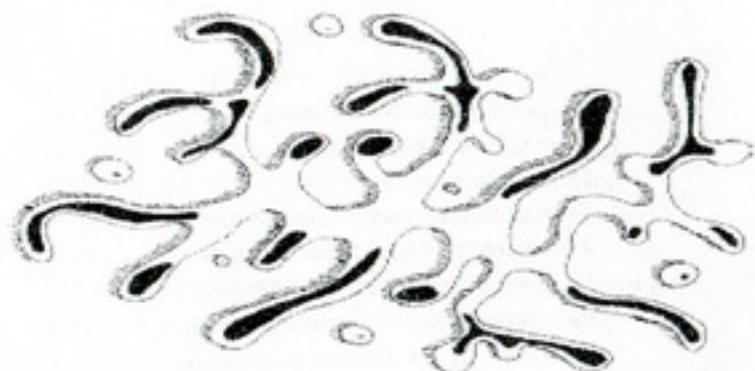
Я пью густое молоко.
Забыв о счастье и о горе,
Учу обиденные роли,
Чтоб жить естественно, легко.

Чудно, что полюбить я смог
Себя. Труднее нет задачи!
Меня обходят неудачи —
Кто люб себе — возлюбит Бог!

Все стало для меня игрушкой, —
Нашел я жизни чудный вкус
И вот, как молодой Иисус,
Любуюсь ветреной пастушкой.

Пусть годы станут, как века,
Я не покину этой неги:
Травы зеленые побеги
И в небе синем облака.

51

В моем кармане старая подкова,
Она давно там ржавая лежит.
Ее, на счастье, мне дала дорога
Ведущая, как видно, в никуда.
С подковой рядом звонкая монета.
На ней со стертым ликом император.
Ее я берегу для развлечений,
Которые смогу в корчме купить.
Круг серебра и гнущее железо, —
Мне скрасят жизнь и счастье принесут.
В корчме жидок обманет по привычке,
Подковой голову мне в драке разобьют.

Мне уже не пьется и не естся,
Я уже, о Боже, не курю.
Мне уже в квартире сонной тесно, —
Громко сам с собою говорю.
И любовь меня давно не мучает,
И болезнь не мучает меня.
Просто мир растерзанный наскучил,
Красный конь был — увели коня.
По земле хожу, ищу потерю,
Хоть надежду потерял найти.
Музы обещали — в это верю,
Мне Пегаса ночью привести.
Говорят, хорошая коняга,
С поровом, но можно приручить.
Было бы перо, к нему бумага,
А цыгана можно подкупить.

Январь. Крещенские морозы.
«Злым был, наверно,
Этот умерший старик!». —
Могильщики усталые ронгали
И, чтобы не замерзнуть,
Пили водку,
Кладбищенским закусывая снегом.
Смотрели мертвые с изжженных крестов
Как в злобе мучались несчастные живые.
А воронье с издевкою кричало,
И гадило могильщикам на спины.

Как со мной могло случиться —
Обмелело мое сердце.
Штиль в душе. Спокойны чувства.
Ну а раньше волновались...
Но я знаю — время лечит.
Вновь забьется с силой сердце.
Вновь его окатят волны
Необузданных страстей.

Когда цветы устали расцветать,
Когда опали лепестки соцветий.
На рынке, у входных ворот,
Ее под пестрым зонтиком приметил.
Она читала жалобно стихи,
И теребила нервно желтый лист.
Торговки слушали, но денег не давали,
А я ведь дал — несносный альтруист.
Она смугилась. Тонкая душа
Должно быть содрогнулась в возмущении.
Но деньги все ж взяла, А как не взять, —
Ведь ей хотелось молока с печеньем.
Я долго буду помнить ее взгляд,
Печаль в котором лилась через край.
Я подмигнув, сказал: «Повыше нос.
И поскорей, поэтка, подрастай».

Я не рыцарь, я карманный вор.
Подвиги? Что может быть скучнее!
Нет, владеть набитым кошельком
Мне всегда гораздо интересней.

Не ищу я битв и дамских взглядов.
Тайных встреч с возлюбленной в ночи.
Рынок городской — вот где раздолье
Очищать карманы простаков.

Ну а вечером, хмельным в таверне
Я бываю часто допоздна.
И на похотливую толстушку
Щедро трачу талеры чужие.

Ведьмак

Он с потусторонним связан,
С черной магией знаком.
Связан тайно с Сатаной.
Ну а в лунное замянье
Занимается любовью
С ведьмой — собственной женой.

На Купалье, для забавы,
Когда люди верят в чудо —
Беззаботно веселятся —
Он блуждает по оврагам,
По заброшенным кладбищам
Где для снадобий и зелий
Собирает злые травы.

А зимой, под Рождество,
Когда все гадать желают —
Равно — в снах и в зеркалах
Хотят будущее грезить,
Он, посредством заклинаний,
Людям портит естество.

Леонид СВЕТИК

Вначале было слово

(сборник стихов 1983-1999 гг.)

Корректор -- Валентина ВЛАСОВА

Художественное оформление -- Ольга ВАСИЛЕНКО

Дизайн и вёрстка -- Сергей ГРИШИН

© Л. Светик. Вначале было слово.

При перепечатке ссылка обязательна.

Подписано в печать 24.04.2000 г. Формат 105x147. 28 листов.
Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman Cyr. Тираж 299 экз.

